

FETISOV ANDREY VIKTOROVICH

Associate Professor at the Department of Internal Affairs in special conditions
(Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod)

MITENEV SERGEY VLADIMIROVICH

Lecturer at the Department of Tactical-special, Fire and Physical Training
(Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tver)

TO THE QUESTION OF TRAINING OF ITS EMPLOYEES TO PARTICIPATE IN THE FIGHT AGAINST ILLEGAL ARMED EDUCATIONS

Abstract. The article analyzes the concept of an illegal armed group (hereinafter – illegal armed groups) from various points of view, the role of police officers in countering illegal armed groups, pays attention to the training of police officers when participating in the elimination of armed formations, illegal armed groups.

Keywords: formation, special operations, illegal armed, police officers, counter-terrorism operations.

* * *

УДК 34

КУРЫШЕВ ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры гражданского права
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

АЛЕКСЕЕВ СТАНИСЛАВ ОЛЕГОВИЧ

преподаватель кафедры гражданского права
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ИННОВАЦИИ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

Аннотация. Актуальность изучения инноваций в праве так же, как и реализация инноваций в законодательстве обусловлена важностью значения обновления права в механизме правового регулирования общественных отношений. Цель данной статьи – проанализировать многочисленные аспекты, связанные с функциональной зависимостью в процессе правовой инновационной деятельности в рамках законодательного процесса. Научно обосновывается факт того, что взаимодействие инноваций и законодательства позволит увидеть не только особенности конкретной нормы права, но и комплексные пути воздействия инновационных норм, правовых механизмов на общественные отношения. С учетом этого делается следующий вывод: законодательский орган должен выступать в качестве синтезатора национальных правовых традиций и инноваций для улучшения функционирования российской правовой системы.

Ключевые слова: инновации в праве; правотворчество; законодательство; идея законодательского проекта; субъект инноваций права.

Рассматривая проблему модернизации правотворчества, под которой в частности, А. П. Мазуренко предлагает понимать процесс перманентного обновле-

ния, актуализации идей и планов правотворчества, позволяющий более мобильно связывать правотворческую деятельность с социально-экономическими, политически-

ми, правовыми и духовными потребностями общества, сделать правотворчество более гибким и адекватным вызовам времени [1, с. 45]. Автор аргументированно доказывает, что основной целью модернизации правотворчества выступает создание условий для опережающего развития права.

Инновации и законотворчество рассматриваются нами в контексте таких понятий, как «правотворческая политика» [2, с. 58], «стратегия законотворчества» [3], «законодательная тактика» [4], «законодательная техника» [4].

Под законотворчеством понимается деятельность представительного (законодательного) органа государственной власти, связанная с выявлением потребности в принятии закона, его разработкой и принятием. Это некая движущая сила обновления права и источник постоянной корректировки масштабов и характера непосредственного правового регулирования общественных отношений, с помощью которого достигается правовой компромисс между носителями противоположных функций в условиях конфликта интересов в отдельных отраслях права (между стороной защиты и стороной обвинения в уголовном процессе, работодателем и работником в трудовом законодательстве, истцом и ответчиком в суде), между различными индивидуумами, группами населения, государством и обществом, в результате чего становится возможным их сбалансированное, гармоничное сосуществование [5].

Взаимодействие процесса инновации с формированием источника (формы) права имеет ключевое значение для любой существующей национальной правовой системы. Спектр подобного рода взаимодействия может быть различным, например, совершенствование структуры нормативного правового акта, в виде закрепления требования обязательного обеспечения преамбулой крупных, особо значимых законодательных актов, нормативных правовых новаций, связанных с правовым статусом гражданина [6, с. 128–129].

Теоретические вопросы эффективности законотворческой деятельности в достаточной мере были разработаны отечественной правовой и политической наукой, начиная с пятидесятых годов предыдущего столетия. В настоящее время в российской правовой системе действуют различные нормативные правовые акты, регламентирующие как организацию законотворческих органов, так и совершенство-

вание законопроектной деятельности [7]. Более того в рамках законотворческого процесса вопросы правового мониторинга применительно к законотворчеству урегулированы Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» и постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации».

Изменения в политической и экономической сферах достаточно наглядно показали, что временной аспект взаимодействия инноваций и законотворчества, то есть принятие большого числа инновационных законов в наименьший промежуток времени в целях создания логически стройной «пирамиды» нормативных правовых актов не всегда является общественным благом.

Скоротечность принятия законодательных актов сама по себе не является проблемой. Если у субъекта инновации права появились идеи по правовому регулированию фактических обстоятельств, почему бы не использовать законотворческий путь реализации этой правовой инновации в кратчайшие сроки?

Опасность заключается в том, что субъект законотворчества за ширмой уменьшения времени на принятие того или иного нормативного акта отступает от принятой методологии выработки нового правила поведения, под воздействием сиюминутных политических амбиций игнорирует эндогенную инновацию и рецепцию, а сразу же применяет реформирование законодательства. Такая методология привносит элемент нестабильности в деятельность правоохранительной системы, подвергает риску безопасность экономических субъектов и граждан, от которых требуется следить за непредсказуемо меняющейся правовой средой, создает предпосылки для нарастания критической правовой массы законодательства.

На наш взгляд, субъект правотворчества, выполняя функции инноваций в праве, должен трансформировать в законотворчество установленные стадии инновационного процесса, выбирать ту или иную форму инноваций в праве, согласуя свой выбор с действующим правом, состоянием правовой системы.

Акцентируя внимание на соотношении понятий «инновация» и «законотворчество» необходимо четко понимать, что

субъект законотворческой деятельности посредством комплексного процесса создания, распространения и использования должен выработать такой правовой инновационный механизм, который бы позволял удовлетворять человеческие потребности, меняющиеся под воздействием развития общества, имеющий целью повышение эффективности, экономичности, качества жизни.

На какие же факторы эффективности взаимодействия процессов инноваций и правотворчества необходимо обратить внимание? Без чего не будет действенной инновационности в законотворческом процессе?

Во-первых, независимость субъекта законотворческой деятельности от внешнего давления. Наличие у субъекта достаточных законодательно обеспеченных полномочий по самостоятельному принятию решений по закреплению инноваций в праве.

Во-вторых, создание руководителем законотворческого органа пространства, в котором возможна предметная дискуссия, легальное согласование интересов по общественно значимым темам для субъектов, задействованных в обсуждении правовых инновационных вопросов.

В-третьих, независимость и достаточные законотворческие полномочия субъекта в рамках правовой инновационной инициативы.

В-четвертых, доступ и мотивация к законотворческому процессу внешних независимых экспертов по обсуждаемым правовым инновационным вопросам.

В-пятых, транспарентность деятельности законотворческого органа для медиа и гражданских наблюдателей.

В-шестых, возможность, предоставленная субъекту законотворческой деятельности осуществлять заказ в научных учреждениях на подготовку законопроектов, согласно техническому заданию.

Инновационное законотворчество помимо всего прочего зависит от более широкого круга как субъективных, так и объективных факторов. Характерна эта оценка и для законотворчества в Российской Федерации. Однако основополагающим фактором при взаимодействии инновационного процесса и законотворчества выступает идея законотворческого проекта. Это основа взаимодействия процессов инновации и законотворчества.

Профессор В. М. Баранов, характеризуя состояние российского законотворчества, определяет понятие «идея законо-

проекта» как «...относительно самостоятельный прием юридической техники, организационно автономный начальный этап законотворчества, представляющий собой систему теоретически обоснованных, практически апробированных либо выработанных на основе здравого смысла суждений настоятельной потребности в документе, предмете и методах правовой регламентации, ближайших и отдаленных целях акта, ожидаемом результате» [8].

Профессор В. М. Баранов предлагает создать реестр правотворческих идей, который бы выступал своеобразным банком законотворческих идей, выстроенных по иерархии регулируемых ценностей, по социальной значимости для государства, общества и личности, защищаемых правовыми средствами интересов [8]. На наш взгляд, абстрактная или конкретная инновационная правовая идея, выработанная в результате коллективного юридического мышления должна закрепляться не просто в реестре, а выражаться в форме различных доктрин, разработанных ведущими специалистами на базе существующих научных школ, с привлечением государственных органов, общественных организаций, юридического сообщества, социально-ответственных граждан. При этом инновационные правовые идеи должны не просто предлагаться, они должны продвигаться, обрабатываться, реализовываться, а их авторы нести ответственность, если правовая инновационная идея принесла общественный вред, не была реализована.

Думается, что при взаимодействии инновационного и законотворческого процессов совокупность правовых доктрин с раскрытыми в них инновационными правовыми идеями могут быть хорошей базой для формирования российской юридической стратегии законодательного развития, которая, по мнению профессора Н. А. Власенко, способна выступить основой эффективного правового регулирования, избежания будущих ошибок в правотворчестве и правоприменении, предупреждения рисков конституционных нарушений [9].

Правовые инновационные идеи могут создаваться в различных условиях, закрепляться в правовой идеологии, доктрине, рождаться в ходе правоприменения и в других пластах правовой жизни.

На сегодняшний день правовые инновационные идеи создают, обобщают и распространяют люди. В связи с чем хочется

поддержать мнение отдельных исследователей, которые настаивают на мотивированной работе по инновационному законодательству специалистов-практиков, людей, которые пользуются законами, знают их недостатки и в состоянии сформулировать инновационные правовые идеи по их совершенствованию.

Необходимо также учитывать, что для человека, занимающегося творческим трудом важно, чтобы о результатах его деятельности знали другие люди, чтобы имя его запечатлелось как имя автора инновационной правовой идеи, дополнения к закону, важному замечанию, поправке. В этом случае субъект инновационной правовой идеи хотел бы оставить свое имя в памяти членов своей семьи, коллег, человечества [10]. Поэтому, с точки зрения персонификации инновационных правовых идей, есть необходимость присваивать авторство инновационных правовых норм, их совокупности конкретному человеку, группе лиц. Так, В. М. Баранов в качестве дополнения к существующим реквизитам законов и постановлений Правительства Российской Федерации предлагает внести еще один элемент – графу с фамилией и инициалами авторов предложения и концепции принятого юридического акта [11, с. 141].

Субъект инноваций права, используя инновации в законодательской деятельности, не должен опираться лишь на перевод зарубежного законодательства и «вкраплять» его в национальную правовую систему. Такой исторический опыт у российских законодателей имелся в 90-х гг. двадцатого столетия [12, с. 147]. Нормативные правовые акты, в том числе законы появлялись в результате перевода текстов с английского языка на русский [13, с. 5].

Самое главное заключается в том, чтобы законодательский орган, используя инновации в праве, не повредил, не разрушил состояние преемственности в праве.

Исходя из этого возникает вопрос. Каким образом с помощью инноваций через законодательство создать, например, идеальное правовое сознание и правопорядок?

Существует несколько вариантов и направлений столь «тесного» сотрудничества.

Первое направление связано с применением ускоренной нормативности, подразумевающей под собой усиление административного вмешательства и расширенной регламентации поведенческой деятельности людей.

В этом случае громоздкость и дороговизна соответствующих правовых инновационных мероприятий не сможет, на наш взгляд, долго поддерживаться государственными органами. Используя этот путь, национальная правовая система будет получать огромное количество вторичных и третичных норм права, которые с течением времени превратятся в критическое состояние и повлекут революционное обновление права. Поэтому совокупность такого рода мер носит временный и ограниченный характер.

Второе направление подразумевает собой развитие самостоятельности народного начала российской правовой и государственной системы, в основе которой лежит консервативная культурная и демократическая институционализация национально-исторической специфики отечественного правового мира, обеспечение преемственности и культивирование традиции, ответственность государства не только за создание правовых инновационных законодательских пирамид, но и реверсивность в устранении собственных законодательских правовых ошибок. Как пример, попытка решения проблем обманутых дольщиков с помощью государственно-правовых, общественных мер.

Для реализации второго направления взаимодействия инноваций и законодательства необходимо учитывать следующее.

Первое. Политический аспект.

Рассматривая законодательский процесс в современных нам российских реалиях, можно отметить, что по своей сути он представляет собой одновременно и конфликтное, и кооперационное взаимодействие по выработке инновационных правовых механизмов.

Между тем, элитистский, закрытый характер, который приобрело законодательство в целом, способствовали тому, что к процессу выработки и принятия решений оказались допущены только властные группы и так называемые акторы, обладающие значительным политическим весом [14, с. 54]. Это не допускает сколь угодно открытых конфликтных проявлений, по крайней мере, в публичном пространстве. Отсюда внешнее впечатление консенсуса и всеобщего согласия.

С другой стороны, прошедшие неконкурентный политический отбор отдельные субъекты инноваций представляют значимые интересы, репрезентация которых оставляет им малое пространство компро-

мисса благодаря самому экономическому и политическому весу вовлеченных сторон. Таким образом, градус инновационной конфликтности (борьбы правовых традиций и инноваций) во взаимодействии субъектов в рамках законотворческого процесса достаточно высок.

При этом можно сказать, что итогом инновационного процесса в условиях законотворческой деятельности является, на наш взгляд, именно то, что предполагается в качестве его цели в демократическом механизме, – достижение оптимального соотношения между правовыми традициями и инновациями, баланс права, снижение его пробельности.

С точки зрения законотворческой это может быть как согласованный текст законопроекта, так и отложение его на неопределенный срок или отказ от его дальнейшего рассмотрения – все эти виды законотворческих решений могут осуществиться только с согласия вовлеченных в инновационный правовой процесс сторон.

Применительно к анализу современного законотворчества в российской правовой системе подход, комбинирующий достижения теорий общественного выбора и рационального выбора (неоинституционализма), должен ставить целью выявление признаков политического процесса (согласования интересов), происходящего частично за пределами публичного поля, в закрытом бюрократическом пространстве [15, с. 77].

При этом использование и применение новейших теорий и методов в условиях инновационного процесса ни в коем случае не является самоцелью и проявлением боязни упустить нечто модное и актуальное в юридической науке. Применительно к современной российской ситуации значимой целью можно назвать максимально реалистичное, пристальное и ценностно нейтральное познание правовых процессов, определяющих отечественную правовую жизнь.

С другой стороны, уход в оценочность – а точнее, сравнения текущей российской правовой жизни с теми или иными нормами западного права, – также не приближает нас к пониманию происходящего правового инновационного процесса.

Притом что партийность, разделение властей или выборные циклы могут, по мнению отдельных исследователей, носить декоративный, подражательный или имитационный характер, никто не сомневается в реальном существовании групп интересов

и индивидуальных акторов внутри и вокруг структур власти и необходимости для этих групп и лиц находить баланс между собой при достижении своих целей [16, с. 12]. К этому их мотивируют происходящие глобальные процессы: технологические прорывы в сфере новых источников энергии, в области молекулярной биологии, информационно-компьютерной индустрии.

В наиболее «лабораторно чистом» виде этот процесс балансировки существующих традиций и инноваций права, достижения по этому поводу договоренностей между субъектами инноваций права можно наблюдать как раз в законотворческом процессе.

Более того, одной из характерных черт современного российского законотворчества является уход из сферы публичной политики, которой по определению является законотворческая деятельность, в сферу непубличную (институт нулевого чтения, расцвет разного рода закрытых дискуссионных площадок – комиссий, рабочих групп).

Между тем, по большому счету, принципиальных положительных и качественных изменений от существующих дискуссий национальное право не претерпевает, так как российская правовая система метафизична и трансцендентальна и по примеру других правовых систем в результате лишь внешнего правового воздействия изменяется только лишь правовая масса: количество правоохранительных структур, институтов права, инструментальность права.

Второе. Культурологический аспект взаимодействия инноваций и законотворчества.

Инновационные правовые элементы должны адаптироваться в национальной правовой системе, быть согласованными с другими элементами правовой системы. Целостность и сбалансированность элементов национальной правовой системы не способствуют внедрению в нее чужеродных элементов, что характерно для каждой правовой культуры, которая стремится при контакте с другой вычитать в ней «свое» (и интерпретировать ее по преимуществу в этом ключе, тем самым «осваивая» ее собственными ментальными средствами) и, напротив, отторгнуть «чужое» (соответственно осудив его, дискредитировав, вытеснив или заменив его «своим») [17, с. 17–23].

В последнее время обществу, исследователям стало понятно, что нельзя игнори-

ровать факт того, что каждая из национальных правовых систем имеет свой генезис становления и развития, свою правовую структуру, ментально обусловленную, свои ментальные механизмы и ментальные тенденции функционирования [18, с. 85–89]. Так вот задача законотворческого органа при обращении к инновационным формам в первую очередь к эндогенной инновации права заключается в познании тонких «нитей» правовой ментальности и формулировании правил поведения с учетом гармоничного взаимодействия с другими ценностно-нормативными системами.

Стоит согласиться с точкой зрения А. В. Муруновой в отношении правового менталитета, который: обеспечивает хранение и трансляцию от поколения к поколению ментальной информации, правил и норм, гарантирующих историческую воспроизводимость и самоидентичность; определяет способы реагирования на правовые инновации; обеспечивает адаптационные механизмы, возможность приспособления к меняющимся условиям материального и духовного бытия [19, с. 36–38].

Используя такие формы инноваций в праве, как рецепцию или аккультурацию законотворческий орган должен осознавать и чувствовать различные культурно-правовые коды, правовые ценности составляющие основу, ядро правовой ментальности.

Между тем юридическая ментальность общественного сознания не поддается абсолютно точной арифметической оценке. Так, например, как справедливо отмечает А. Х. Саидов: «...опыт правового развития Азии и Африки свидетельствует о том, что правовые семьи западных стран не являются в глобальном масштабе единственно возможной моделью... правовая культура незападных цивилизаций способна сыграть важную роль в формировании новой парадигмы современного правового сознания, – коллективистскую доминанту при организации правового гражданского общества. Коллективистские отношения, влияние общественного мнения, детализированное почитание вековых традиций способны утвердить новые формы юридического мышления, ориентированного на высокие духовно-правовые идеалы в противоположность рациональности западного юридического мировоззрения» [20, с. 33–35].

Известный французский исследователь права Н. Рулан обращал внимание на то, что современное западное юридическое

мышление соединило в себе начала римского права и рационализма нового времени, поэтому оно применимо к западному типу цивилизации, но не подходит для юридической культуры, создаваемой на основе других ценностей [21, с. 15].

Юридические традиции могут являться в процессе создания инновационной нормы права мобилизующей преобразующей силой.

На какие же национальные российские правовые традиции необходимо опираться законотворческому органу, что необходимо учитывать при поддержании преемственности права?

Во-первых, это существование людей в обществе, которое строится на духовных основаниях, таких как справедливость, нравственная ценность, веление совести.

Во-вторых, наличие оригинального правового мышления и правового сознания, отсутствие или полнейшее смешение права с моралью, отрицание личности, порабощение ее коллективом, недостаток личного достоинства, погруженность в коллективизм [22, с. 22–23].

В-третьих, достаточно широкое распространение неправовых социальных регуляторов таких, как: морально-религиозные, моральные, корпоративные [23, с. 108].

В-четвертых, правовая традиция определяется не законодателем, а мудростью, здравым смыслом и в большинстве своем привычкой.

Инновационная гибкая регулятивность, с учетом существующих традиций и потребности соответствовать постиндустриальному обществу лежит в процессах обратной связи правовой регуляции общественных отношений в границах отдельных регионов и профессиональных сообществ. В этом случае законотворческий орган сможет получить инновационные идеи, так сказать, «снизу», а не «сверху».

Третье. Региональное законотворчество и инновации.

Почему же до сей поры региональное законотворчество, за исключением отдельных регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край) не стало основой развития правовых инновационных идей?

В ст. 1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской

Федерации» [24] по сути определен круг субъектов права законодательной инициативы: высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации; депутаты законодательных органов государственной власти; представительные органы местного самоуправления. Кроме того, регионам предоставлено право расширять состав и количество привлекаемых субъектов к законотворческой деятельности, и, как нам кажется, к инновационной правовой деятельности. Например, Устав Тамбовской области к таковым относит: комитеты и депутатские объединения; прокурора области; областной суд; территориальный орган министерства юстиции; избирательную комиссию; областное объединение организаций профсоюзов; ассоциацию «Совет муниципальных образований»; уполномоченного по правам человека; уполномоченного по правам ребенка; контрольно-счетную палату [25].

Необходимо задаться вопросом: за счет чего же, за счет каких мероприятий происходит поиск оптимального обновления региональной правовой системы, повышение качества законотворчества в единстве его технико-юридических и содержательных аспектов?

Подходов несколько. Это и качественное планирование разработки законопроектов, это и эффективное согласование межведомственных интересов в ходе законопроектирования, это и решения возникающих организационно-правовых вопросов на различных совместных совещаниях [26].

Однако, в этой работе во главу угла ставится решение не проблемных вопросов жизнедеятельности граждан и их сообществ, а завершение построения нормативной правовой пирамиды.

В связи с этим необходимо предложить видоизмененный алгоритм инновационной правовой деятельности региональных законотворческих субъектов.

Во-первых, наступило время не просто декларирования правовых ценностей, дублирования мнений с федеральными законотворческими органами, но и самостоятельный поиск правового решения вопросов, возникающих на региональном уровне.

Во-вторых, региональные законотворческие органы должны включиться в поиск правовых решений, связанных с реализацией таких экономических инноваций, как например: конкуренция за потоки инвестиций, потоки технологические.

В-третьих, одним из источников правовых инновационных идей регионального

законотворчества является рост значимости культурной идентификации общества, всплеск интереса к защите традиционных духовных ценностей, нравственных норм, обычаев существующих на территории нашей страны этносов как социокультурной целостности.

В связи с этим предлагается внутрирегиональное правовое инновационное взаимодействие и обновление, в основе которого лежит рецепция права.

Четвертое. Подзаконное нормотворчество и инновации.

Еще одним источником инновационных правовых идей является подзаконное нормотворчество.

Характер и содержание ведомственного нормотворчества, его современное состояние и проблемы, связанные с модернизацией, обновлением обстоятельно рассмотрены профессором Ю. Г. Арзамасовым [27, с. 28–36].

Большинство теоретиков, да и практиков права понимают роль ведомственных нормативных актов в правовом регулировании различных общественных сфер. Однозначно, что без ведомственного нормотворческого процесса не возможна детальная регламентация поведения различных субъектов права.

В ходе подзаконного нормотворчества в результате диалектического развития могут возникнуть правовые инновационные идеи. Для этого субъекту ведомственного нормотворчества необходимо раскрепостить сознание, реалистически подходить к делу.

Понятие «раскрепощения сознания» существует в современной китайской философии, которое означает совпадение сознания и действительности, субъективного и объективного [28, с. 89–94]. Раскрепостить сознание означает избавиться от старых привычек, оков субъективизма, изучать новую обстановку, решать проблемы на основе не существовавших, а существующих в данный исторический период правовых традиций.

Помимо этого и само ведомственное нормотворчество подвергается инновационному развитию, так как оно строится на концепции «разделения властей», рациональном применении классических и инновационных средств юридической техники, прозрачно в телеологическом плане.

На наш взгляд, ведомственному нормотворчеству требуются следующие инновационные элементы в целях улучшения содержания нормы права.

Во-первых, инновационность в мотивации проведения правового мониторинга. Внедрение в действия субъектов нормотворческой деятельности таких принципов, как: системность, неоднократность, комплексность, применение научнообоснованной методики мониторинга.

Во-вторых, инновационность в прогнозировании правового регулирования при принятии нормативного правового акта.

В-третьих, инновационность в оценке состояния правового регулирования соответствующих общественных отношений и мониторинга существующих концепций проектов ведомственных нормативных правовых актов [29, с. 77–95].

В-четвертых, инновационность в организационно-правовом преодолении технико-юридических ошибок стилистического характера, преодоление коллизий дефиниций и норм.

В-пятых, инновационность в преодолении узковедомственных задач и интересов, направление вектора правового регулирования обеспечения прав и законных интересов граждан [30, с. 7].

В-шестых, возложение на законотворческий орган обязанностей по поиску оптимальной формы правовой инновационной деятельности: эндогенная инновация, рецепция, реформа или аккультурация права.

В-седьмых, наделение контролирующих органов функцией проверки подзаконного нормативного правового акта не только в части соответствия действующим нормативным правовым актам, но и влияния на правовую систему в целом.

Таким образом, приведенные выше доводы еще раз подтверждают мысль о том, что законотворческий орган – это не просто проводник модных правовых инновационных идей. Законотворческий орган не в состоянии в полном объеме предвидеть все общественно-правовые последствия законотворческой деятельности. Законотворческий орган не всегда знает, как отреагируют граждане на инновационный закон: слишком сложна социальная жизнь, слишком разнообразна юридическая действительность [31, с. 36–38].

Несмотря на указанные трудности, законотворческий орган должен выступать в качестве чуткого синтезатора национальных правовых традиций и инноваций для улучшения функционирования российской правовой системы.

Думается, если современный россий-

ский законодатель сможет реализовать в своей деятельности правовые механизмы, приведшие государства мира (вне зависимости от части света: Восток или Запад) к комфортным условиям жизни человека (продолжительность жизни, медицинское обеспечение, образование, доступность жилья, сбалансированный уровень заработной платы), то это будет неоценимый вклад в культурное развитие права. И тогда проблема правовых традиций из области ограничивающих реформы права [32, с. 60–65] преобразуется и перейдет в плоскость динамического развития права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мазуренко, А. П. Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России: 12.00.01: Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Мазуренко Андрей Петрович. – Саратов, 2011. – С. 45.
2. Малько, А. В. Основы правовой политики: учебное пособие для магистрантов / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – Москва, 2013. – С. 58.
3. Баранов, В. М. Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации / В. М. Баранов // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 29–45.
4. Карташов, В. Н. Законодательная технология субъектов Российской Федерации / В. Н. Карташов, С. В. Бахвалов. – Ярославль, 2010. – 368 с.
5. Москалькова, Т. Н. Законотворческие ошибки: понятие, виды и пути противодействия / Т. Н. Москалькова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 118–125.
6. Законодательная техника: научно-практическое пособие / под редакцией Ю. А. Тихомирова. – Москва, 2000. – С. 128–129.
7. О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2009 г. № 389 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 19. – Ст. 2346.
8. Баранов, В. М. Идея законопроекта как средство ранней диагностики качества современного российского законодатель-

ства / В. М. Баранов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 148–151.

9. Власенко, Н. А. Кризисные тенденции в законодательстве современной России / Н. А. Власенко // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 175–182.

10. Чайков, М. Ю. Инновационный подход к совершенствованию законодательной базы с использованием авторского права / М. Ю. Чайков, А. М. Чайкова // Инновации. – 2008. – № 11 (121). – С. 117–118.

11. Баранов, В. М. Концепция законопроекта: учебное пособие / В. М. Баранов. – Нижний Новгород, 2003. – С. 141.

12. Герард-Рене де Гроте. Язык и право / Герард-Рене де Гроте // Журнал российского права. – 2002. – № 7. – С. 147.

13. Якунин, В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход / В. И. Якунин // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 5.

14. Шульман, Е. Законодательство как политический процесс / Е. Шульман. – Москва, 2014. – С. 54.

15. Концепции развития российского законодательства / под редакцией Т. Я. Хабриевой, Ю. П. Орловского, Ю. А. Тихомирова. Концепция развития законодательного процесса / Т. Я. Хабриева. – Москва, 2014. – С. 77.

16. Абрамова, А. И. Право законодательной инициативы: проблемы обеспечения и защиты / А. И. Абрамова // Журнал российского права. – 2016. – № 3. – С. 12.

17. Рыбаков, В. А. Рецепция и правотворчество / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 2 (31). – С. 16–23.

18. Мурунова, А. В. Ментальные механизмы международного взаимодействия национальных правовых систем в условиях глобализации / А. В. Мурунова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 85–89.

19. Мурунова, А. В. Правовая ментальность: понятие и сущность / А. В. Мурунова // Бизнес в законе. – 2009. – № 4. – С. 36–38.

20. Саидов, А. Х. Юридическая глобалистика – новое направление правовых исследований / А. Х. Саидов // Правовая система России в условиях глобализации. – Москва, 2005. – С. 33–35.

21. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – Москва, 1999. – С. 15.

22. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – Берлин, 1923. – С. 22–23.

23. Семитко, А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки / А. П. Семитко // Государство и право. – Москва. – 1992. – № 10. – С. 108.

24. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

25. О внесении поправок к Уставу (Основному Закону) Тамбовской области РФ: Закон Тамбовской области от 25 июля 2011 г. № 39-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.06.2021).

26. Никишин, И. Г. Оптимизация законодательской деятельности в субъекте Российской Федерации – Тамбовской области / И. Г. Никишин // Вестник ТГУ. – 2015. – Т. 20. – Вып. 10. – С. 180–185.

27. Арзамасов, Ю. Г. Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации / Ю. Г. Арзамасов // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 28–36.

28. Бальчиндоржиева, О. Б. Теория социализма с китайской спецификой: сущность, тенденции развития, связь с модернизацией Китая / О. Б. Бальчиндоржиева, Д. Ш. Цырендоржиева // Вестник ЗабГУ. – 2013. – № 10 (101). – С. 89–94.

29. Арзамасов, Ю. Г. Концепция мониторинга нормативных правовых актов / Ю. Г. Арзамасов, Я. Е. Наконечный. – Москва, 2011. – С. 77–95.

30. Экспертный совет МВД России по вопросам нормотворческой работы. – Москва, 2004. – С. 7.

31. Мурунова, А. В. Правовая ментальность: понятие и сущность / А. В. Мурунова // Бизнес в законе. – 2009. – № 4. – С. 36–38.

32. Проблемы правовой и политической идеологии. Сборник науч. трудов / отв. ред. З. М. Черниловский, И. А. Исаев. – Москва, 1989. – С. 60–65.

* * *

KURYSHEV EVGENY YURIEVICH

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Civil Law

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

ALEKSEEV STANISLAV OLEGOVICH

Lecturer of the Department of Civil Law

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

INNOVATION AND LAWMAKING

Abstract. The relevance of the study of innovation in law as well as the implementation of innovations in lawmaking is due to the importance of law updating in the mechanism of legal regulation of social relations. The purpose of this article is to analyze numerous aspects related to the functional dependence in the process of legal innovation activity within the lawmaking process. It is scientifically substantiated the fact that the interaction of innovation and lawmaking will allow to see not only the features of a particular rule of law, but also the complex ways of impact of innovative norms, legal mechanisms on social relations. With this in mind the following conclusion is made: lawmaking body should act as a synthesizer of national legal traditions and innovations to improve the functioning of the Russian legal system.

Keywords: innovation in law; lawmaking; lawmaking; lawmaking project idea; subject of law innovation.

* * *

УДК 622/276

МЕЛЬЦОВ ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

кандидат исторических наук,

заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях

(Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород)

КОРЯКОВЦЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях

(Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород)

СКИБА ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки

(Тверской филиал Московского университета МВД России, г. Тверь)

О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕФТЯНЫМИ РАЗЛИВАМИ

Аннотация. В статье раскрываются общие принципы предотвращения и пресечения ЧС, связанных с нефтяными разливами.

Ключевые слова: нефтяной разлив, чрезвычайная ситуация, катастрофа.

Активная человеческая деятельность, как в прошлые столетия, так и в настоящее время всецело вбирает в

себя использование в своей деятельности природные ресурсы недр Земли, постепенно истощая её сырьевые запасы и посте-